О ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ В СЕЛЬСКОМ КОНТЕКСТЕ¹

DOI: 10.19181/obrnaukru.2019.10

Аннотация. Высшее образование в среде сельской молодёжи сегодня далеко не редкость, однако его качественные и количественные характеристики во многом отстают от городских показателей и выступают как результат отрицательной социальной селекции, выталкивающей сельскую молодёжь в наиболее низкие по престижности и привлекательности вузы и специальности, что определяет во многом поведение дипломированных выходцев из села на рынке труда. Для большинства диплом служит «парашютом», чтобы «приземлиться» в городе. В село возвращается минимум дипломированных кадров, и здесь их образовательные ресурсы чаще всего оказываются избыточными (что не исключает недостаточности) для актуальных нужд села. Тем не менее, общеобразовательная, социализационная компонента этих ресурсов способствует созданию атмосферы, ориентирующей на модернизацию, формирует запрос на инновацию, новые технологии, интернетизацию села, в целом меняет общекультурный климат в селе. Именно в этом смысле возможно говорить о конструктивной роли образовательного ресурса молодых кадров, несмотря на их, возможно сиюминутную, неадекватность нуждам села, как о предрасположенности к социокультурному обустройству в перспективе.

Исследование по типу desk research строилось на основе вторичного анализа социологических и исторических исследований, касающихся положения сельской молодёжи в системе высшего образования и на рынке труда в исторической ретроспективе и на современном этапе.

Ключевые слова: сельская молодёжь, высшее образование, культурный капитал, образовательный потенциал, рынок сельского труда.

Elena D. Voznesenskaya

ABOUT HIGHER EDUCATION IN A RURAL CONTEXT

Abstract. Higher education among rural youth today is far from rare however, its qualitative and quantitative characteristics lag behind urban indicators in many respects and act as a result of negative social selection, pushing rural youth to the lowest universities and specialties in terms of prestige and attractiveness, which largely determines behavior graduates from rural areas on the labor market. For most, a diploma serves as a “parachute” to “land” in the city. A minimum of qualified personnel returns

¹ *Вознесенская Елена Дмитриевна*, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия. E-mail: maslovka3@mail.ru. (*Elena D. Voznesenskaya*, Cand. Sci. (Sociol.), Senior Researcher Fellow, Institute of Sociology of the FCTAS RAS. Moscow, Russia. E-mail: maslovka3@mail.ru)

to the village and here their educational resources most often turn out to be excessive (which does not exclude insufficiency) for the actual needs of the village. Nevertheless, the general educational, socialization component of these resources contributes to the creation of an atmosphere oriented towards modernization, forms a request for innovation, new technologies, village internetization, and, on the whole, changes the general cultural climate in the village. It is in this sense that it is possible to talk about the constructive role of the educational resource of young cadres, despite their possible inadequacy to the needs of the village, as a predisposition to its sociocultural arrangement in the future

The desk type study was based on a secondary analysis of sociological and historical research regarding the situation of rural youth in the higher education system and the labor market in historical perspective and at the present stage.

Keywords: *rural youth, higher education, cultural capital, educational potential, rural labor market.*

К истории вопроса

Распространение высшего образования среди сельского населения имеет недолгие традиции. Можно предположить, что в дореволюционной России высшее образование сельской молодёжи особенно и не касалось; нужных для села специалистов (таких как врач, фельдшер, учитель, агроном, ветеринар) поставлял в основном город, кадры рекрутировались преимущественно из горожан – разночинной интеллигенции (вспомним характеристику сельского учителя, данную Чеховым), либо из дворянской среды («из бестужевок»), а то и из среды либеральных, прогрессивно настроенных помещиков. В сельскохозяйственных вузах выходцы из крестьян составляли не более 25% всех студентов.

Советская Россия, ощущая острую нужду в квалифицированных аграрных и педагогических кадрах, обратилась к массовому привлечению абитуриентов из рабоче-крестьянских сословий, декларируя идеи выравнивания шансов на образование для всех слоёв населения. Согласно Декрету Совета Народных Комиссаров 1918 г. [Декрет Совета..., 1942: 770] поступить в вуз мог каждый желающий без предоставления каких-либо документов об образовании, в основном по очной форме обучения. Это привлекло в вузы большое количество рабочих и крестьян, однако в силу отсутствия общеобразовательной подготовки, высшее образование для большинства осталось недоступным. Для повышения качества подготовки Декретом от 1920 г. [Декрет Совета..., 1943: 576] учреждаются Рабочие факультеты, куда

промышленные предприятия, колхозы, профессиональные союзы могли делегировать определённое количество своих членов с полным освобождением делегированных от работы в производстве на все время учёбы на рабочем факультете, при этом слушатели несли учебную повинность со строжайшим контролем над занятиями.

Массовое вовлечение молодёжи батрацкого происхождения в высшее образование велось за счёт ограничения прав привилегированных слоёв. В Постановлении ЦК ВКП(б) от 12 апреля 1929 г. «Об укомплектовании педагогических вузов» [Постановление..., 1974: 419] предлагалось «добиться повышения удельного веса рабоче-крестьянской группы в педвузах до 65%, а в педтехникумах – до 80%, организовать учёт и последующий отбор детей батраков и деревенской бедноты для поступления в педагогические учебные заведения; особо следить за недопущением в педвузы и в педтехникумы элементов, связанных с кулацко-эксплуататорским хозяйством». Для облегчения доступа к учёбе было принято решение организовать заочное обучение для поступающих в педагогические учебные заведения. То же касалось и сельскохозяйственного образования. Политика пролетаризации привела к тому, что в 1926-1927 учебном году в вузах СССР около 60% студентов были выходцами из рабоче-крестьянской среды [Николаенко, 2012]. «Высшее образование становилось мощным социальным лифтом, каналом социальной мобильности, и в то же время эффективным инструментом в руках новой власти» [Константиновский, 2018: 210-211]. К 30-ым годам дискриминационный подход к приёму в вузы по классовому принципу был исчерпан, как и сами эксплуататорские классы, а научно-технический прогресс требовал все более высокого качества подготовки специалистов. Конституция СССР 1936 г. провозглашала равное право всех граждан на образование, но вскоре интеллигенция с её культурным капиталом стала теснить рабоче-крестьянское представительство в системе высшего образования. Это требовало восстановления льгот и привилегий для культурно ослабленных слоёв, к которым, безусловно, относилась и сельская молодёжь. Так, Постановление Совета Министров СССР 1958 г. о развитии вечернего и заочного образования для работающей молодёжи, т.н. «производственников» [Закон об укреплении..., 1959], и последующие

документы о целевых приёмах студенческих контингентов по направлению предприятий,строек, колхозов и совхозов, способствовали расширению доступности высшего образования и для сельской молодёжи. Вводимые меры строились на предоставлении слабым в культурном отношении группам дополнительных условий по улучшению качества их предподготовки: в 1970-1980-х гг. при вузах создаются подготовительные отделения, неофициально именуемые рабфаками, куда принимались лица с законченным средним образованием из числа передовых рабочих, колхозников и демобилизованных из армии. Несмотря на предпринимаемые меры, как выпускники подготовительных отделений, так и «производственники» продолжали уступать по уровню подготовленности выпускникам средних школ и становились первыми жертвами отсева неуспевающих (если таковой проводился). В результате, если в первой половине 1960-х гг. большую долю в студенческой среде составляли производственники, то к 1970-м гг. вплоть до середины 1980-х гг. в вузы принимались преимущественно выпускники школ. По этой же причине число студентов-колхозников или детей колхозников в СССР с 1960г. по 1970 г. уменьшилось с 19,3% до 15,6%, а в РСФСР – с 13% до 9,7% [Николаенко, 2012]. С точки зрения сегодняшних реалий можно заметить, что принцип отсева по причине неуспеваемости можно рассматривать как показатель борьбы за качество образования. В нынешних условиях дефицита абитуриентов и росте числа вузов отсев представляется непозволительной роскошью для многих вузов, не имеющих особого статуса.

Плановая экономика и система обязательного распределения выпускников позволяли сохранять определённую сбалансированность между потребностями села в кадрах и предложением специалистов со стороны системы высшего образования. Как отмечают исследователи, «в советское время каждый уважающий себя первый секретарь обкома КПСС считал долгом иметь в своей вотчине три вуза — пед, мед и сельхоз. Выпускники-аграрии поглощались колхозами и совхозами (многие хозяйства имели не по одному агроному и зоо-инженеру, а целые службы), районными управлениями сельского хозяйства и т.д.» [Россия: нужна реформа..., 2015].

Если речь шла о студентах сельского происхождения, то сначала на селе утверждалась новая должность, требую-

щая диплома согласно государственным квалификационным требованиям, а затем претендента на эту должность (из ударников, комсомольских, партийных активистов и т.п.) направляли на учёбу, чаще всего в заочной форме. После окончания учёбы выпускники были обязаны (по личным убеждениям, либо «по распределению», либо вследствие обязательств перед делегировавшим её на учёбу колхозом) вернуться в родное село. Но представляется, что основным источником пополнения квалифицированных кадров села продолжали оставаться городские выпускники, попадавшие в сёла «по распределению» и в любом случае «отрабатывающие» там обязательные три года.

В целом можно сказать, что следствием планового подхода в советской экономике был относительно невысокий, но стабильный процент сельской молодёжи в системе высшего образования. И если советская молодёжь из провинции, поступая в столичные или областные вузы, чаще всего в силу более низкой подготовки, не выдерживала конкуренции с городскими абитуриентами (хотя бывало и наоборот), то её выручали квоты, преференции, целевые приёмы, комсомольские путёвки и тому подобные протекционистские меры, поддерживаемые государственной политикой.

Постсоветская эпоха

В постсоветскую пору ситуация значительно усложнилась, в частности, радикальным переменам подверглась вся система высшего образования. «К этому времени, – отмечает Д. Константиновский, – рухнули существовавшие в сфере образования административные барьеры. К тому же вузы избавились от мелочной регламентации и получили возможность (а также оказались вынуждены по финансовым причинам) в большей мере пойти навстречу ожиданиям молодых людей и их родителей. Вузы смогли значительно увеличить приём, как в абсолютном выражении, так и относительно числа потенциальных абитуриентов. Возможности поступления в вузы и получения диплома, таким образом, значительно выросли» [Константиновский, 2018: 213-214].

Характерные для постсоветского периода процессы массовизации высшего образования не обходят стороной моло-

дых селян, и на уровне ориентаций на получение высшего образования сельская молодёжь уже мало чем отличается от городской. Ряд тенденций современного развития способствовал росту шансов сельской молодёжи на получение высшего образования благодаря росту числа вузов, расширению сети филиалов, развитию платных форм обучения и дифференциации их стоимости, равно как и введению ЕГЭ. Существенное влияние на рост доступности оказала и демографическая ситуация спада, которая привела к тому, что при существенном расширении высшего образования, оно стало более доступным.

Между тем, как и вчера, так и сегодня, субъектность сельской молодёжи в большей степени, чем у других групп, ограничивается внешними факторами. Несмотря на расширение индивидуальной свободы выбора в целом, вовлечённость молодёжи из сел в высшее образование продолжает быть лимитирована социальными барьерами, её выбор продолжает в большей степени зависеть от территориальной доступности, структурных барьеров (среди прочего низкий уровень сельских школ или более низкое качество образования), и социальных барьеров (среди прочего худшая финансовая ситуация или малые объёмы социокультурного капитала семьи).

Наряду с ростом доступности высшего образования, те же тенденции, определяющие рост, своей другой стороной, тормозят расширение доступа именно сельской молодёжи. Таков эффект образовательной политики, когда она в порядке борьбы за качество, приступает к ликвидации «неэффективных» вузов, и особенно к закрытию их филиалов в сельской местности. В этом же направлении действуют меры по реструктуризации полных средних школ на селе в школы-девятилетки. В результате, и сегодня, несмотря на распространение высшего образования в широких слоях общества, показатели присутствия выходцев из сел в вузах принципиально не меняются. К такому выводу пришло, в частности, федеральное исследование 2015 г. [Рощина, Рудаков 2017: 50], подтвердив, что «радикального изменения доступности высшего образования для детей из сельской местности не произошло»: доли молодёжи из сел, поступающей на очные отделения государственных вузов колеблются от 11,5% в 2006 до 12,6% в 2015 году. По данным Росстата за 2017 г.

высшее образование получает около 16% сельской молодёжи 15-29 лет [Росстат: итоги..., 2017]. В целом же исследования констатируют, что сельская молодёжь представлена в высшем образовании в разы меньше, чем городская.

В каких вузах учится сельская молодёжь

В Институте развития образования НИУ ВШЭ был проведён анализ новых ориентиров абитуриентов различных регионах России при выборе профессии. Директор Института И. Абанкина, комментируя результаты исследования, отмечала, что профессиональные ориентации сельской молодёжи отличаются широким выбором: «Мы увидели среди сельской молодёжи в вузах будущих архитекторов, программистов, юристов. Нередко выбирают модные или перспективные профессии» [Учёба в столице..., 2018: С. 34]. Было отмечено также, что самая высокая концентрация выходцев из деревни наблюдается в сельскохозяйственных вузах, что неудивительно: по числу сельскохозяйственных вузов и численности обучающихся в них студентов Россия превосходит США. В настоящее время на балансе Минсельхоза находятся 55 аграрных университетов и академий, которые ежегодно выпускают в свет 89 тыс. молодых специалистов. Так, в Алтайском государственном аграрном университете – как сообщается на его официальном сайте – отмечается рост привлекательности аграрных специальностей: более двух тысяч человек подали документы на очное обучение по аграрным профессиям [Более 1900 абитуриентов..., 2014]. Подчеркнём, что речь идёт об очном обучении и что более половины подавших документы – абитуриенты из сельской местности! Действительно, сельскохозяйственным вузам удаётся набирать нужное количество абитуриентов, однако вряд ли стоит доверять утверждению о росте привлекательности аграрных специальностей. Исследователи говорят, что «часто сельская молодёжь поступает в аграрные вузы не потому, что мечтает стать ветеринаром, зоотехником или механизатором, а по причине того, что молодые жители сельских территорий смогли поступить только в аграрный вуз по баллам ЕГЭ и получить высшее образование [Муханова М.Н. и др., 2014: 176]. Как показало исследование ВШЭ,

посвящённое абитуриентам, зачисленным на бюджетные места в российские вузы по данным Росстата за 2014 г. [Где учатся..., 2012], проходные баллы в сельскохозяйственных вузах составляли от 40,6 до 37,8 баллов. По этому показателю данные вузы входят в десятку самых непрестижных (для сравнения проходные баллы в высокопрестижные вузы составляли в МГИМО – 83,5 баллов, в Финансовом Университете – 60 баллов). Именно низкий проходной балл в аграрных вузах по сравнению с другими, привлекает выпускников школ, набравших невысокие баллы ЕГЭ. Было установлено, что сельскохозяйственные специальности выбираются «троечниками», получившими самые низкие баллы по ЕГЭ (тогда как «отличники», поступающие с самым высоким баллом по ЕГЭ, полностью отрицают сельскохозяйственные специальности и выбирают профессии, связанные с международными отношениями, искусством, юриспруденцией, политологией, журналистикой). И если учесть, что в среднем половина студентов сельскохозяйственных вузов являются выходцами из сел, то становится ясно, что «троечники» в большей степени представлены именно в этой группе абитуриентов. Что касается привлекательности аграрных специальностей, то и сегодня они остаются на нижних уровнях «пирамиды привлекательности», и выпускники школ неохотно идут получать образование в профильные сельскохозяйственные учреждения. Для полноты картины можно добавить и результаты многолетних исследований привлекательности профессий среди выпускников средних школ, сельских в том числе, согласно которым самые низкие оценки привлекательности присуждаются сельскохозяйственным видам деятельности – тракторист, агроном, доярка на протяжении десятилетий стабильно занимают низшие места в рейтинге привлекательных профессий среди всех социальных категорий опрошенных, включая сельскую молодёжь [Вознесенская, 2015: 123-182].

В целом качественные и количественные характеристики, дающие обобщённый, безусловно, усреднённый портрет сельской молодёжи в системе высшего образования, предстают как результирующая отрицательной социальной селекции, выталкивающая сельскую молодёжь в более доступные, менее конкурентоспособные и непрестижные вузы и специальности. При переходе от образования к труду специалисты-агроarii сталкиваются с не менее жёсткими ограничениями.

Специалисты – аграрии на рынке труда

В современных условиях расширения свободы индивидуального выбора ширится поле рисков для молодёжи в целом, и сельской, в частности, в выстраивании образовательной и профессионально-трудовой траектории. В отличие от логики плановой экономики сегодняшняя последовательность профессиональной траектории молодого селянина складывается иным образом: сначала на селе появляется дипломированный специалист, получивший высшее образование по личной инициативе и личным соображениям, на свой страх и риск, личными усилиями и личными средствами, часто «про запас», как отложенный ресурс, а затем на селе гипотетически может возникнуть какая-либо должность, рабочее место, которые востребуют диплом этого специалиста. Естественно, что образовательные ресурсы, полученные без учёта объективных потребностей сельского рынка труда, могут совершенно не «стыковаться» с потребностями, тем более что эти потребности сегодня, как никогда, не могут быть членораздельно сформулированы. В результате расхождения между спросом и предложением приобретают структурный характер, что отражается на поведении сельской молодёжи в поле высшего образования и на рынке труда.

Явление устойчивого рассогласования между структурами образования и рынка труда в отношении специалистов-аграриев проявляет себя в особо острой форме. Многие показатели позиционирования аграриев на рынке труда указывают на избыточность и одновременно недостаточность их образовательного ресурса для актуальных нужд сельского хозяйства. По результатам исследования, проведённого Е. Варшавской [Варшавская, 2019], на сектор «сельское и лесное хозяйство» приходится 3,9% всех дипломированных специалистов. Но даже при такой скромной доле аграрников с дипломами, только 38% заняты на работах, адекватных уровню полученного ими высшего образования (в среднем по всем специалистам 55%).

Именно специалисты-аграрии, чаще других (46,4%) отрицают связь диплома с работой при среднем показателе 22,1%. Для сравнения: среди врачей работают по специальности 95%, среди специалистов в области культуры, права, экономики и образования – около 75%.

Трудно однозначно определить, насколько отсутствие связи между дипломом и работой среди аграрников является результатом вынужденных обстоятельств и/или следствием свободных выборов. С одной стороны, среди специалистов-аграриев парадоксально высока (выше средней) доля занятых на руководящих должностях. Минимальный показатель по этой позиции – среди врачей (7%). С другой стороны, именно среди специалистов-аграриев особенно велика нисходящая квалификационная мобильность: 18,1% выпускников аграрных вузов заняты на рабочих должностях² (реже всего мобильность в рабочие встречается среди врачей). Этот факт говорит о высокой степени невостребованности дипломированных специалистов в качестве аграриев, независимо от того, насколько вынужденной или добровольной является занимаемая ими позиция.

После вуза

Абсолютное большинство получающих высшее образование селян возвращаться в родные места не намерены, они и не возвращаются. Диплом о высшем образовании становится средством, которое позволяет закрепиться в городе, где получен диплом, и чем крупнее город, тем больше шансов найти в нем своё место. Неслучайно среди сельской молодёжи ширится так называемая образовательная миграция, когда отъезд на учёбу предполагает невозвращение до-

² Даже в тех случаях, когда выходцу из села удаётся получить высшее образование агропромышленного профиля, приобретенная профессия может оказаться невостребованной на селе. Об этом рассказывали молодые выходцы из сел, получившие высшее образование и ставшие рабочими в городе. Александр, уроженец станицы Ростовской области, по ЕГО собственной оценке, в школе «учился хорошо»: «Хотел я поступать на юридический факультет в университет, но надо было платить, а денег не было. И я поступил в Донской университет, на дневное отделение, на зоо-инженерный факультет. Получил специальность “зоотехник”. Сразу отслужил в армии. В 2005 году пришёл из армии, поработал. Но на селе уже ничего не было, полный развал». Больше Александр к своей профессии не обращался и, несмотря на диплом, начал трудовую деятельность с работы охранником, но зато в городе. И таких свидетельств, полученных в ходе исследования, было немало [Вознесенская, Чередниченко 2012].

мой, смену места жительства. Это отражается в изменении её образовательного поведения. Сегодня очная форма обучения, которая предполагает пребывание в городе, где находится вуз, позволяя за годы обучения накопить объем социальных связей, необходимых для дальнейшего закрепления в городе, становится предпочтительнее заочной. Изменение образовательного поведения сельской молодёжи отмечает Н. Абанкина, комментируя результаты опроса, проведённого ВШЭ: «Раньше из села ехали в города, устраивались дворниками, водителями, продавцами, обзаводились семьями, и только дети или внуки этих людей поступали в вузы. Сейчас сельские школьники сразу едут учиться. Они более активны и амбициозны, чем их родители, и не связывают свою дальнейшую жизнь с селом... В основном сельские ребята предпочитают университет в столице своего региона. Дальше они редко едут учиться. Они убеждены, что жизнь в городе лучше. Высшее образование для жителей села сегодня становится социальным парашютом, чтобы приземлиться в столице региона и работать в современном бизнесе» [Учёба в столице..., 2012].

Показательны и типичны данные одного микро-опроса 58 студентов 3–4 курсов Тимирязевской академии, из которых почти половина – 44,8% являлись выходцами из села. На вопрос «Планируете ли Вы после окончания Тимирязевки вернуться в село?» утвердительно ответили лишь 12% опрошенных; отрицательно – 82,8%; переедут жить, но не работать в сельском хозяйстве – 5,2% респондентов. Были названы следующие причины, по которым студенты не собираются трудиться в сельском хозяйстве: низкий уровень заработной платы – 73,2%; плохие условия труда – 41,3%; непрестижность работы – 31,1%; отсутствие жилья – 25,2%; плохие социально-бытовые условия – 18,7%; низкий уровень культуры на селе – 14%; желание продолжить обучение – 9,6% [Морозова, Подъяблонская 2015: 31–34]. И. Абанкина приводит следующий пример: «Минсельхоз заказывает вузам подготовку специалистов по крупному рогатому скоту и свиноводству. Но из всего выпуска только 2–3-х человек пригласят в крупные агрохолдинги. Да, там они будут работать в белых халатах на современном оборудовании, с голландскими или американскими технологиями, у них будет зарплата под 100 тысяч рублей. А осталь-

ным совсем не хочется возвращаться на фермы, где зарплата 15–18 тысяч рублей, где надо вручную доить коров и тащить тяжёлые фляги с молоком» [Учёба в столице..., 2012].

Как известно, процессы отторжения от крестьянского труда имеют длительную историю: уже по данным позапрошлого века крестьяне, заканчивающие сельскохозяйственные школы или училища, домой возвращались в меньшинстве. Сегодня в среднем по России – по данным того же исследования ВШЭ, на село возвращается 11% выпускников вузов [Учёба в столице..., 2012]. Можно допустить, что по отдельным регионам с аграрной доминантой развития доля возвращающихся выше, встречаются указания, что она достигает 20-30% выпускников сельскохозяйственных вузов [Россия: нужна реформа..., 2015].

После вуза – на село

С точки зрения развития сельского сообщества привносимый на село образовательный ресурс является одним из основных факторов, определяющих трудный и сложный процесс перемен. О социальной роли «культурных», а сегодня скажем более конкретно, образованных людей, на селе заговорили ещё задолго до сегодняшнего дня. Уже в 1904 году С.Ю. Витте в «Записке по крестьянскому делу» [Витте, 1904] придавал большое значение культурному капиталу сельского населения для обеспечения «социальной обустроенности сельской жизни». В это понятие С. Витте включал «школьное дело, санитарные меры, организация медицинской помощи, борьба съ эпизоотиями, противопожарные меры, страховое дело, устройство и поддержание дорогъ, общественное призрение, продовольственная помощь, дела мелкого кредита, многочисленныя меры хозяйственной самопомощи и вообще все те дела, которые составляют кругъ ведения земства. Как полагал С.Витте, «Къ этимъ дѣламъ мѣстнаго благоустройства, которые идут или с печальной медленностью и неумением, или совершенно не двигаются» должны быть привлечены «наибольше просвѣщенные элементы сельскаго населенія въ лицѣ духовенства и помѣстнаго дворянства, а также и (sic! – Е.В.) другихъ постоянных жителей». С. Витте был убеждён: «Безъ участія

боле культурного элемента общественное благоустройство этих (*сельских* – Е.В.) местностей будет неосуществимой мечтой».

Вплоть до сегодняшнего дня общественное благоустройство села остаётся далеко нереализованным делом. Неслучайно кризисное состояние качества сельской среды, по данным опросов, выступает одним из главных мотивов, определяющих и массовый отток сельской молодёжи в города [Бредникова, 2013]. И сегодня сохраняется убеждение, что для того, чтобы процессы модернизации села «пошли», требуются высококвалифицированные и образованные Личности, которые привели бы в движение накопленные селом культурные ресурсы, остающиеся во многом резервуаром неиспользованных шансов и возможностей.

Можно ли полагать, что такая молодёжь с заниженными (или ослабленными) по всем показателям характеристиками, вернувшись на село, может оказаться тем самым «культурным элементом» (С. Витте), тем локомотивом, который сможет изнутри инициировать перемены, провести модернизацию села, привести в движение человеческий капитал села?

Встаёт вопрос, как позиционирует себя на селе тот образованный миноритарий, который возвращается в село или намерен туда вернуться? У возвращающихся есть несколько возможностей трудоустройства: маятниковая занятость, как правило, далёкая от полученной специальности; крайне редкое трудоустройство в находящемся в данной местности (если таковое там имеется) агропромышленном холдинге, который хоть и нуждается в специалистах, но в очень ограниченном числе и строго «заточенных» под свои специфические потребности³. Чаще же выпускники оседают в род-

³ Агропромышленным холдингам, оснащённым новейшим оборудованием и передовыми технологиями, необходимы «точные» специалисты, имеющие соответствующую подготовку. Однако молодой специалист, получивший в сельхоз академии азы профессии и определённые теоретические знания, попав на современное предприятие, сразу вынужден переучиваться, чтобы освоить конкретные технологии. В результате некоторые холдинги приступают к собственному конкурсному отбору абитуриентов из наиболее активной части молодых (учащихся школ близлежащих сельских поселений), проводя среди них конкурсы, викторины, игры. Победители получают целевые направления в вузы и под патронатом холдинга получают нужную специализацию. Обратный эффект

ных сёлах, независимо от того, носит ли это возвращение вынужденный характер, или был сделан осознанный выбор в пользу малой родины, движимый эмоциональной привязанностью к ней. Отметим, что такая мотивация наличествует и сегодня имеет тенденцию к распространению [Бредникова, 2013: 28-59]. Какова бы ни была мотивация, в процессе трудоустройства по месту жительства молодые аграрии сталкиваются с трудностями. Чаще всего наблюдается ситуация избыточности полученного образования с точки зрения актуальных нужд села, которая оборачивается той же недозанятостью, что и среди малообразованной молодёжи. Это приводит к постоянному балансированию между временными формами занятости, более или менее соответствующими уровню диплома, занятости в серой сфере, неформальной, скрытой занятости, случайными работами, либо вовсе отсутствием занятости. Безработица среди сельской молодёжи высока: из общего количества сельских безработных 32,3% составляют молодые в возрасте от 18 до 29 лет. Дипломы спасают мало: в рядах сельских безработных молодых людей около 71% имеют высшее и среднее профессиональное образование; 15,5% – начальное профессиональное; 12,6% – общее среднее [Морозова, Подъяблонская, 2015: 31-34].

В конечном счёте, специалист, осевший на селе, оказывается в двойственном положении: продолжается традиционная для селянина трудовая жизнь с большой долей физических нагрузок, но с установками дипломированного специалиста на «урбанизированный» стиль жизни, с соответствующими ожиданиями и требованиями. Сюда могут относиться и требования нормированного рабочего времени, и социальных гарантий, и доступа к стандартам общества потребления. Поведение специалиста на селе состоит в лавировании, в манипулировании своим образовательным ресурсом с целью получения конечной выгоды за счёт ожидаемых социальных и экономических улучшений, когда будет востребован имеющийся в наличии образовательный ресурс. Здесь реализуется та самая мотивация получения высшего образования «про запас», «на всякий случай», ко-

такой политики – ослабление и без того небольшого объёма образовательного ресурса села, аккумуляция в нем наименее активной, пассивной части молодёжи, на что особенно сетуют фермеры.

торая была выявлена нами при проведении опроса молодых рабочих – выходцев из сел в первом или втором поколении [Вознесенская, Чередниченко 2012: С. 53]. Отвечая на вопрос, для чего необходимо высшее образование, те рабочие, кто намеревался его получить или уже получил, оценивали значимость высшего образования чаще всего как стратегический продукт («пусть будет», «про запас», «вдруг понадобится», «если освободится место инженера»). Тактически же для нашего контингента значимость высшего образования определялась именно социализирующей его ролью. В мотивациях выходцев из села, ориентированных на получение высшего образования, чаще всего звучали желание приобрести общекультурные компетенции и успешную социализацию. «Институт даёт развитие человеку»; «Нравится сама жизнь студенческая» и т.п. Одной из важных целей получения образования называлось повышение личностной самооценки, само-осознание себя культурным человеком. Наличие диплома позволяет преодолеть чувство второсортности относительно сверстников других, более статусных групп: «Чтобы доказать, что ты не какой-то там Ваня деревенский» [Вознесенская, 2015: 52].

Сегодня профессиональная составляющая высшего образования, полученного на «всякий случай», может оказаться нерентабельной как для человека, так и для сельского сообщества, поскольку в нем ещё не вызрели соответствующие структуры, которые обеспечили бы спрос на это знание. Если не удаётся, применить свою узко профессиональную подготовку, то пускается в оборот та часть культурного капитала, которую можно отнести к общему человеческому капиталу (в отличие от специфического культурного капитала – строго профессиональных компетенций), когда могут оказаться востребованными и оценёнными самые разные элементы образовательного ресурса [Интернационализация образования..., 2008]. Неслучайно, по мнению специалистов, рост рыночной «ценности» продвинутого общего третьего образования по сравнению с узкоспециализированным профессиональным – характерен для всех развитых стран мира и, по-видимому, будет и далее усиливаться (От чего зависят..., 2007).

Общекультурная, социализационная компонента полученного образования может проявлять себя в самых разных

формах. Даже если «культурный элемент» сельских поселений ослаблен селекцией сильнейших и вряд ли может претендовать на роль культуртрегера как носителя культуры, распространителя просвещения, как активного инициатора социокультурного обустройства села, то само присутствие в сельском поселении «наиболее просвещённых элементов» (по С. Витте), квалифицированных кадров (по-нашему), способствует созданию атмосферы, ориентирующей на социокультурное обустройство села, инициирует формирование запроса на информатизацию, интернетизацию села. Эта атмосфера может складываться даже не столько благодаря конкретным профессиональным знаниям, сколько ресурсам более символического свойства, культурными, интеллектуальными запросами, которые – так или иначе – формируются за время получения высшего образования, неважно даже какого, за годы нахождения в университетской среде, или тесных контактов с нею, просто за годы учёбы, в течение которых интеллектуальная деятельность, коммуникационная активность являются если не единственными, то ведущими видами жизнедеятельности на данном социализационном этапе. Собственно, речь идёт о так называемых мягких или гибких навыках, *soft-skills*, коммуникативных навыках с общегуманитарной составляющей, которые находят применение во множестве жизненных ситуаций, не зависят от специфики конкретной работы, тесно связаны с личностными качествами и установками, с самоощущением личности и её самооценкой.

Общеобразовательный ресурс дипломированного специалиста, как «культурного человека» ускоряет появление новых должностей в сельсовете, в сервисной экономике села, при открытии торговых точек, магазинов. Он оказывается незамедлительно востребован при реализации государственных программ по культурному развитию регионов, по освоению программ развития местного историко-культурного наследия, при открытии музеев, библиотек, клубов, в школе, в библиотеке, где образованная молодёжь выполняет культуртрегерские функции.

Известно, какую большую роль играет наличие высшего образования у родителей в воспитании и образовании детей: в семье создаётся более высокий интеллектуальный и общекультурный климат. Образованные родители активно включаются и в дела учебных организаций, где учатся их

дети, вступают в непосредственные контакты с преподавательским составом, инициируют ремонтные работы, участвуют в спортивной, культурной деятельности школы.

Осознание себя в качестве профессионала предрасполагает держателя диплома к тому, чтобы не делать того, чего он делать не хочет – что, по его, опосредованным образованием представлениям, архаично, отжито, невозможно. Замечено, что такие позиции неприятия, накапливаясь, приобретая коллективный характер, «срабатывают» постепенно в логике самореализующегося пророчества: либо отрицаемые виды деятельности исчезают совсем, либо они трансформируются в модернизированные и более приемлемые для современного работника формы, что также направлено на социокультурную модернизацию села.

Наличие высокообразованных кадров на селе способствует формированию и распространению нового, модернизированного представления о фермерстве как об элитном, экологическом сегменте сельского хозяйства (в отличие от агропромышленных холдингов – производителей массовой сельскохозяйственной продукции для массового нетребовательного потребителя). Это предполагает не столько даже наличие диплома, сколько развитого экологического типа сознания. В городском универсуме развивается эко-движение, растёт популярность экологических ценностей, напрямую связанных с сельской местностью, природой, здоровыми продуктами, идеологией здорового образа жизни (ЗОЖ) и т.п. Инициатива принадлежит городским, образованным группам населения, которые нередко перемещаются из города в деревню, создавая в сельской местности неформальные эко-сообщества, эко-деревни, агрокультурные туристические комплексы, эко-фермерство. Позиции городских активистов движения на селе сближаются с ориентациями образованных сельчан, которые вступают в контакт с горожанами в первую очередь. У этих двух категорий селян и горожан есть общая и очень важная область интересов и ценностей. Осознание преимуществ сельской жизни молодыми аграриями поддерживается и легитимизируется городской идеологией эко-движения, в их среде формируются про-фермерские установки, проблемы миграции в город отходят на второй план. В данном случае развиваются идеологии и процессы конвергенции, сближения города и деревни, о которой так

долго мечтали теоретики социализма. Эта конвергенция воплощается в жизнь на сельской территории, и не в логике сближения села с городскими ценностями, а в логике сближения города с ценностями сельского этоса.

В целом, все перечисленное (а также многое другое) даёт основания предполагать, что избыточность/недостаточность образовательного ресурса молодых аграрных кадров относительно текущих нужд села может играть конструктивную роль, становясь предиктором социокультурной модернизации села, его общественного обустройства. Сиюминутная избыточность образования можно трактовать как своего рода предрасположение к прогрессивным социокультурным преобразованиям на селе, оно может служить залогом «местного благоустройства» (С. Витте) села. Если сюда ещё прибавить эмоциональную составляющую – привязанность к «малой родине» с осознанием её преимуществ перед городом в духе эко-идеологии, то в недалёком будущем мы можем стать свидетелями возрождения сельского этоса на новом цивилизационном витке. Представляется, что единственный и едва ли не последний рычаг, который может перевернуть ситуацию – сам факт возвращения на село молодого специалиста, движимого эмоциональной привязанностью к родным местам.

Источники и литература

1. Белокодная Л., Гимпельсон В., Горбачева Т., Жихарева О., Капелушников Р., Лукьянова А. Формирование заработной платы: взгляд сквозь призму профессий // Вопросы экономики. 2007. № 10. С. 52–74. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2007-10-52-74>
2. Более 1900 абитуриентов подали документы на очное обучение в Алтайском аграрном университете [Электронный ресурс] URL: http://www.altairregion22.ru/region_news/bolee-1900-abiturientov-podali-dokumenty-na-ochnoe-obuchenie-v-altaiskom-agrarnom-universitete_351532.html (дата обращения: 25.03.2019).
3. Бредникова О. Деревня умерла? Да здравствует деревня! (ещё раз к вопросу о различиях города и деревни) // Вдали от городов. Жизнь постсоветской деревни / Под ред. Е. Богдановой и О. Бредниковой. СПб.: Алетейя. 2013. С. 28–59.
4. Варшавская Е. Я. Где и кем работают высокообразованные россияне [Электронный ресурс] URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3212948> (дата обращения: 26.03.2019).
5. Витте С. Ю. «Записка по крестьянскому делу». СПб. 1904. 101 с.

6. Новые смыслы в образовательных стратегиях молодёжи: 50 лет исследования / [Д. Л. Константиновский и др.]; отв. ред. Д. Л. Константиновский. М.: ЦСПиМ. 2015.
7. Вознесенская Е. Д., Чередниченко Г. А. Высшее образование в профессиональных траекториях молодых рабочих // Вопросы образования. 2012. № 4. С. 40–58.
8. Где учатся отличники, а где троечники [Электронный ресурс] URL: <https://republic.ru/posts/1/825559> (дата обращения: 12.03.2019).
9. Декрет Совета Народных Комиссаров «О правилах приёма в высшие учебные заведения», 2 августа 1918 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг., № 57, Ст. 632. М.: Управление делами Совнаркома СССР. 1942.
10. Декрет Совета Народных Комиссаров «О рабочих факультетах», 17 сентября 1920 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. № 80. Ст. 381. М.: Управление делами Совнаркома СССР. 1943.
11. Закон (1958) Закон об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР. 24 дек. 1958 г. Ведомости Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик, 1 января 1959 г., № 1 (933). Ст. 5. С. 10–22.
12. Интернационализация образования и российская молодёжь: открытия, обретения, результативность / Авторский коллектив: Д. Л. Константиновский, Е. Д. Вознесенская, Г. А. Чередниченко. М.: Институт социологии РАН. 2008. Выпуск 4. 79 с.
13. Образование и социальная дифференциация / отв. ред. М. Карной, И. Д. Фрумин, Н. Н. Кармаева. Нац. исслед. ун-т Высшая школа экономики, Институт образования. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2018.
14. Муханова М. Н. Жвитаишвили А. Ш., Бессикорная Г. П. Российское село: социально-структурные процессы от прошлого к настоящему. М.: Книжный дом «Либроком. 2014. 304 с.
15. Морозова С. И., Подъяблонская Е. С. Проблемы безработицы и занятости сельской молодёжи как фактор устойчивого развития территории // Экономика, управление, финансы: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Пермь, апрель 2015 г.). Пермь: Зебра. 2015. [Электронный ресурс] URL: <https://moluch.ru/conf/econ/archive/133/7823/> (дата обращения: 29.02.2019).
16. Николаенко А. Н. Социальный состав студентов вузов Волгограда в 1960-начале 1980-х гг. [Электронный ресурс]. URL: https://revolution.allbest.ru/history/01039599_0.html (дата обращения: 13.01.2019).
17. От чего зависят различия в зарплате россиян // Демоскоп Weekly 2007. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0293/tema01.php> (дата обращения: 1.3.2019).
18. Постановление ЦК ВКП(б) «Об укомплектовании педагогических вузов». 12 апреля 1929 г. // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917-1973 гг. / Сост.

- А. А. Абакумов и др., Н. П. Кузин, Ф. И. Пузырев, Л. Ф. Литвинов. М., 1974.
19. Россия: нужна реформа аграрного образования. 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://ukrprod.dp.ua/2015/02/11/rossiya-nuzhnareformaagrarnogo-obrazovaniya.html> (дата обращения: 23 июня 2018).
 20. Росстат: итоги выборочного наблюдения качества и доступности услуг в сферах образования, здравоохранения и социального обслуживания, содействия занятости населения, 2017 г. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 13.01.2019).
 21. *Рощина Я. М., Рудаков В. Н.* Региональные и московские вузы в 2015 г.: различия стратегий студентов и преподавателей // Информационный бюллетень. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 2017. 92 с.
 22. «Учёба в столице стала очень дорогой» Интервью И. Абанкиной о новых ориентирах абитуриентов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3661718> (дата обращения: 13.01.2019).